

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Иванова Елизавета Вячеславовна

**ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «ЕПИТОМИЙ»
КОНСТАНТИНА АРМЕНОПУЛА В ПЕРЕВОДЕ ЕПИФАНИЯ
СЛАВИНЕЦКОГО**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва 2024

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель — **Пентковская Татьяна Викторовна**
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты — **Исаченко Татьяна Александровна**
доктор филологических наук, главный научный
сотрудник сектора изучения особо ценных фондов
Центра по исследованию проблем развития
библиотек в информационном обществе (ЦИПР)
ФГБУ «Российская государственная библиотека»

Николаева Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор, зав.
кафедрой латинского языка и медицинской
терминологии ФГБОУ ВО «Казанский
государственный медицинский университет»

Рождественская Татьяна Всеволодовна

доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет»

Защита диссертации состоится «25» сентября 2024 г. в 15:00 на
заседании диссертационного совета МГУ.059.1 Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991
ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус
гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: russlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на
сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3059>

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«Епитомии» или «Краткое изложение Божественных и святых канонов» (греч. Ἐπιτομή τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων) – сокращенное изложение канонического церковного права, написанное Константином Арменопулом. Текст составлялся в XIV в. на византийском греческом языке, а издан был во Франкфурте в 1596 г. И. Левенклавом (Leunclavius)¹ в составе сборника «Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis» (далее – «Левенклавиев сборник»). Это издание впервые было переведено на церковнославянский язык в середине XVII в. Епифанием Славинецким. Как отмечают исследователи, обращение к франкфуртскому изданию 1596 г. могло быть связано с тем, что оно начиналось с «Епитомий»², которые ранее не были переведены на церковнославянский язык. Работа над этим текстом относится к одному из ранних трудов Епифания в Москве, т. к. ее киевский книжник начал ок. 1652–1653 гг.³

Тема работы – лингвотекстологическая характеристика славянского перевода «Епитомий». **Предмет исследования** – история и языковые особенности данного текста. **Объектом изучения** стал перевод «Епитомий» Константина Арменопула за авторством Епифания Славинецкого, реализованный в рукописях, 12 из которых были привлечены для анализа и послужили **материалом исследования**:

ГИМ. Усп. Бум. 91 (XVII в.) – черновик Епифания Славинецкого.

РГБ Унд. 40 (XVII в.) – список содержащий правку, внесенную киноварью поверх написанного.

ГИМ. Син. № 129 (с 1677 г.) – чистовой вариант текста, хранившийся в Патриаршей казне и готовившийся к изданию.

¹ Розенкамф Г. А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. Изд. доп., подгот. В. Анастасевичем. СПб, 1839. С. 370–371.

² Белякова Е. В. К вопросу о переводе «Арменопула» на славянский язык в XVII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. Выпуск 3. М., 2023. С. 40.

³ Корогодина М. В. Архиепископы Афанасий Холмогорский и Александр Устюжский – собиратели канонических рукописей. Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Санкт-Петербург: БАН, 2013. С. 82.

РГАДА (МГАМИД) № 289 (1686 г.); БАН 16.4.3. (1687 г.); БАН Арханг. Д. № 434 (1688 г.) – списки, сделанные для Афанасия Холмогорского.

ГИМ. Син. № 226 (конец XVII в.) – последняя книга из собрания, включающего различные переводы церковных канонов Евфимия Чудовского. Здесь список «Епитомий» представлен вне «Левенклавиева сборника».

РНБ Погод. № 1963 (XVII в.) – сборник, в котором находится черновик предисловия к переводу «Левенклавиева сборника».

Некоторые более поздние списки: ГИМ Хлуд. 80, 81 (кон. XVII в.); РГБ Фундаментальное собрание библиотеки МДА (Ф. 173.1.) №192 (нач. XVIII в.); ГИМ. Увар. 285; РГБ Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (Ф. 722 №) 161 (кон. XIX – нач. XX вв.).

Теоретическая база диссертации. Данные о специфике работ, проведенных книжниками чудовской школы, представлены в трудах А.И. Соболевского, В. В. Виноградова, Б. А. Успенского, Т.А. Исаченко, В. М. Живова. Отдельные исследования посвящены жизни и творчеству Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, среди них можно указать работы П. Ф. Николаевского, С. Н. Брайловского, И. Ротара, Л. А. Сазоновой. Центральный перевод, предпринятый книжным кругом Епифания Славинецкого, а именно перевод Нового Завета 1673–74 гг. рассматривался Т. А. Исаченко, ею же было подготовлено факсимильное издание этого текста с предисловием по рукописи РГБ. Ф. 310. № 1291. Лингвистический и источниковедческий аспекты, связанные с данным текстом представлены также в статьях Т. В. Пентковской, где освещается источник перевода аргументов Апостола и Апокалипсиса, которым стало издание польского Нового Завета Якоба Вуйка 1593 г.

В работах Н. В. Николенковой рассматривается в первую очередь перевод «Атласа Блау», предпринятый Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским. И. В. Вернер уделяет внимание отражению наследия Максима Грека в переводческой деятельности чудовских книжников. Обращение

чудовских книжников к актуальным для их времени грамматикам описывается в работах Е. А. Кузьминовой.

Одним из первых описаний, посвященных лексикографической деятельности Епифания Славинецкого, стала работа В. В. Нимчука по изданию двуязычных славяно-латинского и латинско-славянского лексиконов.

Общая характеристика отдельных списков перевода «Епитомий» давалась М. В. Корогодиной, а также М. В. Кукушкиной, которыми приводится описание рукописей, сделанных в Холмогорах. Помимо этого М. В. Кукушкина комментирует содержание и структуру предисловий холмогорских списков.

Особую значимость приобретает исследование Е. В. Беляковой, которая приводит сведения о переводе «Шестокнижия» Константина Арменопула на славянские языки и дает ценные замечания относительно других церковно-юридических текстов, например, печатной Кормчей книги, и их связи с переводами Арменопула на церковнославянский.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более полного и всестороннего изучения переводов, выполненных деятелями Чудовской книжной школы втор. пол. XVII века и в частности Епифанием Славинецким, что расширяет наши представления не только об исследуемом периоде, но и об истории и этапах развития русского литературного языка. На данный момент хорошо изучены библейские переводы этого периода, активно исследуются переводы географических описаний, однако церковно-юридические тексты чудовского книжного круга недостаточно изучены в лингвистическом отношении. Важность рассмотрения славянского перевода «Епитомий» также объясняется непроясненностью соотношения отдельных списков и хода работы над текстом и, как следствие, отсутствием адекватной научной интерпретации текста «Епитомий» в истории книжной sprawy XVII века.

Цель исследования заключается в выявлении лингвотекстологических особенностей перевода «Епитомий» Константина Арменопула, выполненного Епифанием Славинецким, а также в установлении истории текста. На данный момент можно увидеть различные мнения об истории перевода, так как до сих пор не была изучена языковая составляющая списков, позволяющая проследить наиболее достоверную связь между рукописями.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1. привести анализ перевода на разных языковых уровнях в соотношении с греческим оригиналом;
2. прояснить основные переводческие принципы Епифания Славинецкого, применяемые при работе над «Епитомиями», определить значимые лингвистические критерии, позволяющие выделить специфику работы Епифания Славинецкого с переводами;
3. дать характеристику редакторской работы, проведенной над «Епитомиями», определить, кем она была проведена и на что была направлена;
4. реконструировать черты перевода Епифания Славинецкого и отделить их от редактуры Евфимия Чудовского, опираясь на черновик руки Епифания (Усп. 91), список, содержащий редактуру (Унд. 40).
5. установить связь описанных переводческих принципов с другими работами переводчика и чудовских книжников, что позволит лучше понять технику работы главного деятеля никоновской книжной sprawy; выяснить, насколько похожим образом переводятся тексты разных жанров (церковно-юридические, Библия, учительные) и с чем могут быть связаны эти сходства.
6. Описать общий ход работы над переводом, а также его дальнейшую реализацию в списках, что позволит установить историю текста.

Новизна исследования заключается во введении в научный оборот рукописей, мало исследованных учеными в лингвистическом аспекте, что

позволяет уточнить некоторые положения, выдвинутые ранее, в том числе о том, как соотносятся списки и каков был источник последующих копирований перевода. В работе впервые лингвистически рассматриваются предполагаемые черновики, позволяющие прояснить методику перевода и направление правки текста, а также выявить критерии, отделяющие узус Епифания Славинецкого от узуса Евфимия Чудовского. Данное лингвистическое описание, а также характер почерка позволяют атрибутировать Усп. 91 киевскому книжнику.

В работе применены такие **методы исследования**, как лингвотекстологический, методы сплошной выборки, аналитического наблюдения и сопоставления текста с иноязычным оригиналом.

Теоретическая значимость работы заключается в выяснение и уточнении принципов переводческой и редакторской деятельности Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности использовать полученные результаты и материалы при разработке курсов по истории русского литературного языка, специальных курсов по изучению деятельности Чудовской книжной школы втор. пол. XVII века, а также при создании учебных пособий по истории русского литературного языка и переводоведению. Описания отдельных неологизмов могут быть использованы в качестве дополнений к историческим словарям, а материалы исследования – при подготовке критического издания «Левенклавиева сборника», а также переводов на славянский язык сочинений Константина Арменопула.

Положения, выносимые на защиту:

1. Перевод «Епитомий» на церковнославянский язык был осуществлен в сер. XVII в. Епифанием Славинецким. Источником перевода послужило франкфуртское издание 1569 г. «Левенклавиев сборник», греческо-латинская диглотта. Первичный вариант перевода представляет рукопись ГИМ, Усп. 91, написанная самим Епифанием Славинецким и отражающая черты его

идиолекта. Она значительно отличается от остальных известных списков «Епитомий», так как в ней зафиксирована еще одна редакция текста, не выделенная исследователями ранее.

2. Перевод Епифания Славинецкого подвергался неоднократному редактированию, совершенному Евфимием Чудовским. Рукопись РГБ, Унд. 40 фиксирует один из этапов этой работы, где правка вносится киноварью по написанному. Так, нижний слой отражает редакцию, возникшую вследствие вычитки текста по греческому и отличную от той, что содержится в черновике Епифания. Глобальной переработкой была именно первая, на этапе между Усп. 91 и Унд. 40, на остальных этапах перевод подвергался переосмыслению более точно.

3. Слой правки Унд. 40 получает развитие в рукописи ГИМ, Син. 129. Она на определенном этапе была итоговым вариантом, который создавался с целью печатного издания. Переписчиком Син. 129 стал Евфимий Чудовский, который также участвовал в составлении предисловия и оглавления для этой рукописи.

4. Списки, сделанные для Афанасия Холмогорского (РГАДА МГАМИД № 289; БАН 16.4.3.; БАН Арханг. Д. № 434) не связаны с редакцией текста, отраженной в рукописи Син. 129, хранившейся в патриаршей казне, как предполагали исследователи ранее. По языку и наличию лакун они оказались близки первичному слою рукописи Унд. 40. Это означает, что копирование для Афанасия Холмогорского было совершено с неподвергшегося итоговой правке варианта перевода. Именно он получил распространение (в первую очередь в рукописной, но не только) традиции и существовал в ней вплоть до нач. XX в. (гектограф, РГБ Ф. 722 № 161).

5. Итоговый перевод «Епитомий» в составе «Левенклавиева сборника», отраженный в Син. 129, соответствует языковым установкам, выработанным чудовскими книжниками во второй половине XVII в. и характеризующим так называемый ученый церковнославянский. Однако после смерти Епифания Славинецкого Евфимий Чудовский продолжил работу по редактуре текста.

Этот результат отражен в списке Син. 226. В нем «Епитомии» представлены отдельно от «Левенклавиева сборника».

6. Варианты перевода, подвергшиеся неоднократной редакции и отраженные в списках Син. 129 и Син. 226 не получили распространения в рукописной традиции.

7. Лингвистические ориентиры при переводе «Епитомий» для Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского не одинаковы. Основа идиолекта Епифания берет свое начало в украинско-белорусском изводе церковнославянского языка, к тому же для черновика Епифания обращение к языковым установкам, заданным грамматиками славянского языка, зачастую важнее, чем оригинал. Главный ориентир Евфимия Чудовского – это греческий язык и текст оригинала. В тех позициях, когда выбор языкового средства находится в сфере исключительно церковнославянского языка, у московского справщика можно отметить большее внимание к рекомендациям грамматик.

8. Задача редакторской работы Евфимия заключается, во-первых, в устранении значительной части региональных элементов, не соответствовавших московской норме церковнославянского языка, а во-вторых и в главных – в собственно грецизации на разных уровнях. Однако редакция Евфимия не ограничивается одним лишь осмыслением специфики греческого текста, помимо этого в одних случаях оказываются значимыми чтения первичной работы Епифания, в других – можно увидеть отталкивание от черновика и введение противоположных вариантов.

Достоверность полученных результатов подтверждается большим объемом исследованных материалов. **Апробация результатов исследования.** Основные положения диссертации были представлены в **пяти** докладах в рамках научных конференций:

1) Принцип грецизации в переводе «Епитомий» Константина Арменопула, выполненном Епифанием Славинецким. XXX Международная

научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023. Секция «Филология», МГУ имени М. В. Ломоносова, 16 апреля 2023.

2) Грецизмы в глоссах к переводу «Епитомий» Константина Арменопула, выполненному Епифанием Славинецким. III Фортунатовские чтения в Карелии. ПетрГУ, г. Петрозаводск, 6 июня 2023.

3) Редакторская правка Евфимия Чудовского в переводе «Епитомий» Епифания Славинецкого. III Всероссийское совещание славистов, Институт славяноведения РАН, Москва, 26 октября 2023.

4) Языковые особенности перевода «Епитомий», выполненного Епифанием Славинецким, в контексте книжной sprawy XVII в. Московская Библия 1663 г. и развитие библейской традиции у славян. МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, филологический факультет, 21 декабря 2023.

5) Еще раз о переводческих принципах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (на материале перевода «Епитомий»). XXXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2024», 16 апреля 2024.

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, заключения, списка источников, словарей и литературы, а также приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, его предмет и объект, обосновывается актуальность темы, названы теоретико-методологические подходы, сформулированы выносимые на защиту основные положения, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости работы, ее структуре.

Первая глава посвящена характеристике византийского текста (**параграф 1.1.**) и его славянского перевода за авторством Епифания Славинецкого. Освещается историко-культурный контекст работы киевского книжника (**1.2.**). Епифаний, взращенный литературной традицией Юго-

Западной Руси, стал впоследствии одним из важнейших деятелей никоновской реформы. Как известно, для никоновских справщиков были авторитетны книги, отредактированные в ходе киево-могилянської книжної справи по греческому⁴. В 1649-м году Епифаний Славинецкий оказался в ряду книжников, приглашенных в Москву для исправления церковнославянской Библии по греческому образцу⁵. Еще одно важное событие в жизни Епифания – сближение с патриархом Никоном. Это произошло сразу после того, как Никон взшел на Патриарший престол в 1652-м году. Именно на описываемый период первых лет Епифания Славинецкого в рядах деятелей никоновской книжной sprawy приходится первый этап работы над переводом «Епитомий» (1.3.) и «Левенклавиевым сборником» (1.4.).

В параграфе 1.5. приводится характеристика черновиков «Епитомий». Рукопись ГИМ, Усп. 91 – черновик Епифания Славинецкого. В описи указано, что данная рукопись написана украинской скорописью и относится к XVII в.⁶ Мы же по характеру почерка и языковым особенностям атрибутируем эту рукопись Епифанию Славинецкому. Черты архетипа перевода, отраженного в черновике Епифания Славинецкого Усп. 91, проявляются на разных уровнях. Так, фиксируются орфографические регионализмы, характерные для украино-белорусского извода церковнославянского: 1) спорадическая мена **ѣ** – **и**, которая может становиться более устойчивой в отдельных лексемах (**свѣдѣтель**, **свѣдѣтель**; формы мн. ч. мест. **весь**); 2) смешение **и** и **ы** (**съ биками** – **с быками**, **вына** – **вина**); 3) отражение отвердения **р** (**раздрышити** – **разрешитъ**).

⁴ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. С. 435.

⁵ Ротар И. Епифаний Славинецкий – литературный деятель XVII в. // Киевская старина LXXI. К., 1900, октябрь. С. 18.

⁶ Истомин Г. И. Описание рукописей Успенского собора. Проредактировано и уточнено академиком М. Н. Сперанским в 1920–1928 гг. Кн. 3. Москва: Чтения ОИДР, 1895. С. 118.

Рукопись РГБ, Унд. 40 на определенном этапе работы становится черновиком редактора. Нижний слой отражает редакцию, возникшую вследствие вычитки текста по греческому оригиналу и отличную от той, что содержится в Усп. 91, при этом список Унд. 40 в первую очередь значим тем, что представляет активную редакторскую работу и, как можно предположить, подготовку текста к изданию. Об этом говорит, с одной стороны, характерная для такой работы расстановка киноварью ударений, диакритических знаков и знаков препинания поверх имеющегося текста, а также выделение заголовков (они берутся в рамки). С другой стороны, в тексте ведется активная редакторская работа над самим переводом: происходит обширная правка в целом орфографии, лексики, грамматики, замена отдельных словосочетаний и предложений, добавляется большое количество помет, а также исправляются ошибки, появившиеся при неоднократном переписывании текста.

Первичный слой рукописи Унд. 40 близок трем спискам, сделанным для Афанасия Холмогорского с 1686 по 1688 гг. В разделе работы **1.6.** на основании лакун, особенностей языка и составления оглавлений показывается, что рукописи РГАДА МГАМИД № 289; БАН 16.4.3.; БАН Арханг. Д. № 434 не могли быть сделаны с Син. 129, хранившейся в Патриаршей казне.

Слой правки Унд. 40 получает развитие в рукописи Син. 129 (**п. 1.3.**), на определенном этапе ставшей итоговым вариантом, который и создавался с целью печатного издания.

Исследователями высказывалось предположение о том, что почерк Син. 129 принадлежит Евфимию Чудовскому⁷. А исходя из материала рукописи РНБ, Погод. 1963, сборника различных текстов XVII в., удастся установить, что Евфимий также участвовал в составлении предисловия и оглавления для Син. 129. Им же проводилась редактура текста, которая

⁷ Цыпин В. Арменопул // Православная энциклопедия. Т. 3, 2008. С. 322–323.

проходила многоступенчато, к правке и вычитке текста по греческому он обращался неоднократно.

Итоговый перевод «Епитомий» в составе «Левенклавиева сборника», отраженный в Син. 129, после смерти Епифания Славинецкого перерабатывался Евфимием Чудовским. Этот результат отражен в списке Син. 226. (п. 1.7.) В нем «Епитомии» представлены отдельно от «Левенклавиева сборника». Известно также, что уже позже Евфимий Чудовский стремился создать полное собрание своих переводов церковных канонов. Завершением своего труда он считал собрание, представленное в рукописях Син. 223, 224, 225, 226⁸, которые по филиграммам датируются не ранее 1681 года⁹. Последний текст, помещенный в Син. 226, – «Епитомии», таким образом, перевод приобретает независимость от сборника и выступает как самостоятельный текст.

Т. к. предисловия содержат ценную информацию относительно истории перевода, в **параграфе 1.8.** рассматриваются текстология и языковые особенности предисловий разных редакций текста.

Вторая глава посвящена в первую очередь анализу лексики и словообразовательных решений в разных редакциях перевода «Епитомий». В большинстве случаев рассмотрение в данных позициях происходит через призму влияния различных иноязычных традиций.

Грецизация текстов на разных языковых уровнях (орфографическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом) являлась важным переводческим методом для книжного круга Епифания Славинецкого второй половины XVII века. Так, изучение орфографии Син. 129 позволяет проследить еще один способ сближения текста с греческим оригиналом на финальных этапах работы с текстом за счет написания слов. Этому

⁸ Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб, 2017. С. 300.

⁹ Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. I. М., 1970. № 712–715. С. 99–101.

посвящены два раздела (2.1.1. – в словах нарицательных; 2.1.2. – отдельно в именах и топонимах).

Орфографическая адаптация текста оказывается значимой не для Епифания Славинецкого, а для редактора, и, как кажется, не только потому что текст подготавливался к изданию. Для правки Евфимия Чудовского принципиально этимологическое написание, граничащее с транслитерацией, и нарицательных слов в соответствии с греческим (саввата – сѣббота; граммоти – грамоти), и имен и топонимов (ѿстїанопола – ѿстїїанограда; Рѡмъ – Римъ). Известно, что для Евфимия Чудовского и его учеников было типичным написание *Рѡмъ*¹⁰. Син. 129 – единственный список «Епитомий» в составе «Левенклавиева сборника», в котором можно проследить последовательность данного принципа.

Лексика наиболее наглядно демонстрирует направления перевода и правки текста, а также разницу в подходах к работе у Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. Для киевского книжника славянские лексемы оказываются предпочтительнее грецизмов даже в отношении хорошо адаптированных заимствований. В черновике для обозначения церковной терминологии преобладают славянские лексемы: причѣтникъ, а не клирикъ; слѹжба, а не лїтѹргїа; начальникъ, а не єѡархъ; сѣенный, а не їерейскїй, сѣенство; а не їерейство. Для узуса Епифания также свойственны более адаптированные заимствования: мнихъ, а не монахъ. Как известно, вариант мнихъ встречается уже в Ефремовской кормчей XII в.¹¹

Безусловно, заимствованная лексика вводится в текст обоими книжниками, но отношение к ней не совсем одинаково: если Епифаний зачастую предпочитает грецизмы для более редких лексем: ἐπιλόχιον –

¹⁰ Бабаева Е. Э. Об учебных пособиях в Академии братьев Лихудов // Cyrillomethodianum XV–XVI. Thessalonique, 1991–1992. С. 93–111.

¹¹ Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. С. 19.

εἰλόχῳνъ – порoдинное; νεφοδιῶκται, καὶ γυτευταὶ, καὶ φυλακῆριοι – нефодіѡкти, гѣте҃нти, и фѣлактірій – ѡблакогонителе, и чаровници, и хранителніи; ὑπερβερεταῖος – іперверетъ – ѡктоврій; χρυσόβουλλον – хрсѡвѡлѡнъ – хрсѡвѡлѣ, то для Евфимия в целом грецизация текста становится ведущим принципом редактуры, охватывающим самые разные типы слов. Так, анализ ввода заимствованных при редактировании слов дает еще несколько важных результатов. Например, сохранилась метаязыковая рефлексия Евфимия Чудовского в сочинении об исправлении Миней 1692 г. о словах **характеръ** и **образъ**. Там Евфимий, ссылаясь на Епифания Славинецкого, говорит: «мудрый мужъ Епифаній въ преводѣхъ опасно храняше имя характеръ и вездѣ идѣже прежде написано бѣ мѣсто характера образъ или начертаніе, писаше характеръ...»¹². «Вездѣ» однако же не относится к «Епитомиям», где встретился один контекст с греч. **χαρακτήρ** и где Епифаний переводит в одной рубрике **τύπος** и **χαρακτήρ** славянским **образъ**.

Примечательно, что грецизм **характеръ** не появляется даже на уровне правки Унд. 40. По всей видимости, он вводится в текст на самых последних этапах работы, т. к. только в Син. 129, а затем Син. 226, происходит различение: **τύπος** – **образъ**, **χαρακτήρ** – **характеръ**. Этот пример позволяет также оценить точность (или объективность) наблюдений Евфимия над языком своего учителя, для которого как минимум в рамках одного текста был совершенно нормален отказ от данного грецизма.

Рассмотрение лексики в сопоставлении разных редакций также позволяет проиллюстрировать то, что переводчик и редактор уже на этапе между Усп. 91 и нижним слоем Унд. 40 не совпадают. Но если верить текстам предисловий, редактором вплоть до 1675 г. выступал только

¹² Никольский К. Материалы для истории исправления богослужебных книг: Об исправлении Устава церковного в 1682 г. и месячных Миней в 1689–1691 гг. СПб. 1896. С. 87.

Епифаний Славинецкий. Так, в черновике для греч. ἐν ᾠφέδρῳ, menses muliebres, *менструация*, находится вполне точный перевод – **въ теченїи** с понятной метафорикой, известной переводу Библии 1663 г. Затем уже на одном из ранних этапов редактуры вводится ошибочное чтение: **въ афѣдрѡнѣ**. Не находится свидетельств в научной литературе и словарях о том, что ὁ ᾠφέδρῳν, *уборная, туалет*, и ἡ ᾠφέδρος могут выступать синонимами, однако их объединяет то, что в сознании религиозного человека XVII в. они относились к сфере «телесного низа».

Во-первых, кажется сомнительным, что переводчик текста, который изначально совершенно правильно понял значение слова ᾠφέδρος, вводит ошибочное чтение при редактуре. Во-вторых, этот неточный вариант возникает именно при обращении к греческому тексту, а в-третьих, известны примеры в работах Евфимия, когда он не совсем аккуратно прочитывает греческий текст, путая похожие слова¹³.

Отношение к иноязычной лексике неодинаково и в работе с пометами (п. 2.4.): в черновике Епифания среди языковых маргиналий преобладают адаптирующие глоссы, позволяющие уточнить слово оригинала, что могло быть значимо при последующих этапах работы. В отдельных случаях они сохраняются вплоть до итогового варианта Син. 129 (**Брадатомъ к Пѡгонатѣ**; **Поздрорѣзаной к Рїнотмита**), при этом в редактуре Евфимия расширяется разработка глосс-грецизмов к основному слову в тексте, которые могут служить комментирующим инструментом (**маѣматїкъ к вѣщець**; **семїдалъ к мѣкѣ**; **хрїсми к мазанїа**). Однако употребление адаптирующих глосс тоже расширяется, а если рассматривать в совокупности все встреченные пометы в черновике Усп. 91 и в итоговом варианте «Епитомий» в составе «Левенклавиева сборника» Син. 129, то в первую очередь заметны

¹³ Т. А. Исаченко. Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV—XVII вв. М., 2009. С. 31.

количественные различия: ~ 51 помета в Усп. 91 и ~ 173 в Син. 129. Поэтому разработка системы глосс, не продиктованных греческим оригиналом, также принадлежит Евфимию Чудовскому.

В Син. 129 выделяется значительный пласт грецизмов, с одной стороны, оправданных оригиналом, с другой, выбранных намеренно в рамках следования принципу форенизации и буквализма там, где переводчик мог подобрать славянский эквивалент.

Нельзя не отметить, что редактором намеренно вводятся в текст заимствования и из других языков, например, в виде слова с рефлексом западно-славянского типа, который был допустим в украинской языковой зоне (**злото**), или в виде рутенского заимствования (**шпилман**). Последнее слово также может свидетельствовать о том, что выбор отдельных лексем оказывается объясним обращением к лексиконам, в первую очередь самого Епифания Славинецкого. Общеславянские слова, актуализированные польским языком, характеризуют в целом переводческую традицию чудовских книжников (**людъ**, **моць**), однако в черновике Епифания Славинецкого они используются спорадически, тогда как при редактуре Евфимия занимают полноценное место в лексической системе текста. Особенно показательны редкие, но характерные чтения рукописи Син. 226, создававшейся после смерти Епифания: помета **шкаред-** к **срамнопришвѣтєніє**. Слова, производные от основы, встреченной в помете, отмечаются в современном украинском языке, а также появляются в Лексиконе Памвы Берынды (лист 232)¹⁴.

Узус Епифания зачастую допускал не строго маркированные книжные варианты, тогда как для редактора они становились полем языковой рефлексии и приводили к введению в текст более нейтральных или более

¹⁴ Лексикон славеноросский П. Берынды, Типография Киево-Печерской лавры, 1627 г.

книжных элементов: **животъ – житїє; брашно – гадь; кромици – ломленїа** (п. 2.2.).

Принцип поморфемного перевода, калькирование греческих слов и введение в текст композитов по аналогии с составными словами греческого языка характерны для узуса и Епифания Славинецкого, и Евфимия Чудовского (п. 2.3.), однако именно последним они реализуются наиболее точно и педантично. Если в переводе Епифания намечаются эти тенденции, их доработка и финальное видение принадлежит Евфимию. Например, относительно черновика уточняется перевод многих композитов (κλεψίγυμος – **бракокрадецъ – крадобрачникъ**; ἀμβλωθρίδια – ***изверготворное – извергователное**) или вводится композит для несоставного слова в черновике (κυνήγιον – **ловитва – пселовитва**).

Все это позволяет предположить следующее объяснение направлений редакции Евфимия Чудовского: с одной стороны, первоначальный вариант перевода, видимо, Евфимия не устраивал – в первую очередь из-за отсутствия в тексте Епифания явной скрупулезности в отношении передачи греческого текста. Именно на буквалистское воспроизведение оригинала направлена основная правка Евфимия. С другой стороны, все же редакция могла совершаться через призму понимания авторства перевода, чем объясняется намеренное введение в Син. 129 лексем и орфографических вариантов, подкрепленных простомовным узусом и изредка появляющихся в черновике.

В третьей главе рассматриваются значимые позиции в морфологии и синтаксисе славянского перевода. В морфологии имени рассматриваются также явления, относящиеся одновременно и к орфографии. Так, М. Смотрицким в грамматике 1619 года была дана классификация местоимений, в которой местоимения так называемого второго склонения получали

окончания **-аго/-агw (самаго, онаго** и т. д.)¹⁵. Издатели грамматики 1648 года возвращают этим местоимениям окончание **-ого** в род. п. ед. ч. м. и ср. р. и вин. п. ед. ч. м. р. для противопоставления парадигм прилагательных и местоимений. В «Епитомиях» редактор будет часто, однако непоследовательно следовать этому правилу, заменяя формы **СЕБЕСАМАГО** на **СЕБЕСАМОГО**.

В разделе 3.2. рассматривается отражение А-экспансии в м. р. и ср. р. мн. ч. Дат. п., Предл. п., Тв. п. Она оказывается широко представленной различными формами в архетипе перевода (во всех из указанных позиций, кроме Дап. п. м. р), что может свидетельствовать о большем проникновении в текст черновика черт живого языка, которые устранялись правщиками при дальнейшей работе. Примечательно, что в Дат. п. ср. р. в противоположность Дат. п. ср. р. встречается наибольшее в процентном соотношении количество новых форм (80% из 100%). Еще одной такой позицией является Тв. п. м. р. (21 новая форма из 29). При этом А-экспансия в Син. 129 отражается исключительно в Тв. п., но в обоих родах.

По наблюдениям В. М. Живова¹⁶, для большинства церковнославянских текстов XVII в. Дат. п. оказывается наиболее консервативным, при этом в Усп. 91 видим несколько обратную ситуацию в среднем роде. Важно также, что преобладание новых форм может варьироваться от текста к тексту, и если в Библии 1663 г. наиболее продвинутым оказывается Мест. п., то для трудов Симеона Полоцкого это Тв. п., что может объясняться в одном случае ориентацией Симеона Полоцкого на грамматику Смотрицкого, а в другом – опорой в издании Библии 1663 года на более ранний текст Острожской Библии.

¹⁵ Кузьминова Е. А. Грамматика 1648 г. / Предисловие, научный комментарий, подготовка текста и составление указателей Е.А. Кузьминовой. — МАКС Пресс Москва, 2007. С. 572.

¹⁶ Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 283.

То объяснение возможности отражения А-экспансии, которое уже было дано для работ Симеона Полоцкого, кажется релевантным и для чистового варианта «Епитомий». Парадигмы склонения Грамматики Смотрицкого 1648 г. допускают формы, отражающие А-экспансию только во мн. ч. Тв. п.

Еще одной грамматической позицией, по-разному осмысляемой Епифанием и Евфимием, оказалась категория двойственного числа (3.6.).

Несмотря на отсутствие в греческом языке дуалиса, эти формы в черновике Епифания преобладают в рамках контекстов со свободным и связанным двойственным числом¹⁷, то есть при фиксации парных предметов и существительных с числительным *два*: из 7 встретившихся в «Епитомиях» контекстов со свободным дв. ч. в Усп. 91 в 5-ти употребляется дуалис, в Син. 129 – ни в одном. А из 21 контекста со связанным употреблением дв. ч. в Усп. 91 в 18-ти находим дуалис, в Син. 129 – 4, и эти чтения должны были сохраниться из архетипа перевода.

Как известно, Мелетием Смотрицким в Грамматике 1619 г. были собраны остатки дв. ч. в полноценные парадигмы с дифференциацией родовых и падежных форм у разных частей речи, что сохранилось и в переиздании 1648 года. Помимо самих форм Грамматика дает указания на необходимость согласования существительного и глагола, поэтому дуалис представлен в ней на уровне действующего морфологического средства.

Таким образом, в данном случае приоритетными для Епифания были грамматические правила, а не устройство греческого языка. Для редакции Евфимия отказ от дв. ч. в пользу мн. ч. говорит об обратном – точная передача греческого текста была важнее грамматической традиции церковнославянского.

Выражение значения притяжательности (3.3.) именно в редакции Евфимия исходит из особенностей греческого языка, в котором нет притяжательных прилагательных, а поссесивное значение выражается

¹⁷ По классификации, представленной в работе: Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 2: Двойственное число. – М.: Азбуковник, 2001. С. 236.

преимущественно формой Род. п.: ἐκκλησία πόλεως – **цр̑квь градстѣи** (Усп. 91, л. 16 об.) – **цр̑кви града** (Д. 434, л. 46) – **цр̑кви града** (Син. 129, л. 31).

Способ оформления форм компаратива прилагательных с помощью маркирующего эту форму средства **-ш-**, характерный в том числе и для современного украинского языка, отмечается уже в черновике: λαμπρότερα – **свѣтлшыѧ** (Усп. 91, л. 49 об.) – **свѣтлшиѧ** (Унд. 40, л. 194) – **свѣтлшійѧ** (Син. 129, л. 63). Однако в Син. 129 он распространяется и на наречия, что позволяет унифицировать формы компаратива вообще: εὐχερέστερον – **удобнѣе** (Усп. 91, л. 53) – **удобнѣе** (Унд. 40, л. 210) – **удобнше** (Син. 129, л. 66). Этому посвящен раздел работы 3.4.

Использование указательных местоимений **той**, **тага**, **тоѥ** в качестве местоимений 3-его лица для перевода греч. αὐτός снова намечается уже в черновике Епифания, но расширяется в осмыслении текста редактором (3.5.). Например, в 1-й главе для 42 контекстов с разными формами мест. αὐτός в черновике только в 11 случаях Епифаний обращается к формам мест. **той**, в Син. 129 – их становится 27: ἐν αὐτοῖς χρονίζετω – **въ нихъ времени^Т** (Усп. 91, л. 9) – **в тыхъ да временствѣтъ** (Син. 129, л. 24 об.).

Именно Евфимий также вводит четкое различие греч. αὐτός, οὗτος, и ἐκεῖνος. Для ἐκεῖνος последовательно прослеживается связь с местоимением **онъ**, однако не на всех этапах работы с текстом. Например, в рамках 1-й главы из 16 контекстов с греч. мест. ἐκεῖνος в разных формах в черновике Епифания 11 примеров соответствует указанному распределению (5 – нет), тогда как в Син. 129 это касается всех 16 контекстов: εἰ δὲ τινὶ ἐπαρχία εἰς μόνος ἐπίσκοπος κατελείφθη, κακεῖνος παρὰ τοῦ μητροπολίτου κληθεὶς – **аще же коей епархїи единъ самъ епископъ остависѧ и той Ѡ митрополїта званъ** (Усп. 91, л. 3 об.) – **аще же нѣкой епархїи единъ самъ еп̑пъ ѡстависѧ и онъ Ѡ митрополїта званъ** (Син. 129, л. 19 об.). Подобное распределение было

описано И. В. Вернер для перевода Нового Завета, ключевой работы чудовских книжников¹⁸.

Если в черновике Епифания греческие глаголы зачастую переводятся без строгой привязки к грамматической категории времени, особенно в контекстах предписательного характера, то правка Евфимия нацелена на соблюдение соответствия форм славянского и греческого глаголов (3.7.): форма греч. глагола в fut. – слав. глагол СВ наст. вр. в значении буд., форма греч. глагола в praes. – слав. глагол НСВ (Син. 129 – Усп. 91): παιδεύεσθω – **да накажетсѧ** (л. 10) – **да наказѹетсѧ** (л. 25); μετακαλείσθωσαν – **призовѹтсѧ** (л. 12 об.) – **призываютсѧ** (л. 27 об.); συμφωνοιεν – **согласятсѧ** (л. 12 об.) – **съгласѹютсѧ** (л. 27 об.); αφορίζεσθω – **Ѡлѹчитсѧ** (л. 12 об.) – **Ѡлѹчаютсѧ** (л. 27 об.).

Несмотря на то, что основные разночтения в черновике и Син. 129 относительно употребления глаголов прошедшего времени (3.8.) не обходятся без лексических и словообразовательных отличий, можно выделить исключительно грамматические позиции правки. В итоговом варианте перевода, находящемся в составе «Левенклавиева сборника», увеличивается количество контекстов с аористами для перевода греч. аористов и перфектов. Всего в черновике Епифания встречается около 139 форм прошедшего времени, из них: 1) 107 аористов; 2) 30 имперфектов; 3) 2 перфекта. В Син. 129 в целом примерно 142 формы прошедшего времени, из них: 1) 122 аориста; 2) 19 имперфектов; 3) 1 перфект.

Однако правка направлена не на уменьшение количества имперфектов в тексте как таковых, а на подбор, когда это возможно, более подходящей славянской формы относительно греческой. Поэтому встречаются контексты, когда аорист в Усп. 91 заменяется имперфектом в итоговом варианте, если это соответствует оригиналу: τὸν κανόνα προέτεινεν (имперфект от гл.

¹⁸ Вернер И. В. Местоимения той, тая, тое в церковнославянском переводе Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е годы) // Славяноведение, 2023, № 4, с. 31–46.

протείνω, *простирать, предлагать*) – правило прѣложи (Усп. 91, л. 47) – правило простираше (Унд. 40, л. 182) – правило простираше (Син. 129, л. 60 об.).

К уникальным грамматическим явлениям в рамках редакций «Епитомий» относится отделяемая от глагола частица **сѧ**, появляющаяся в черновике переводчика (3.10.). Она фиксируется 6 раз, например: **нарицаю^т же сѧ** (Усп. 91, л. 25). Ее появление может либо быть грамматическим архаизмом для XVII в.¹⁹, либо подкрепляться грамматикой польского, русинского / юго-западных диалектов украинского языка²⁰.

Раздел 3.9. посвящен постоянной черте переводов книжников Чудовской школы, которая заключается в отказе от творительного падежа (зачастую в значении средства или посредника речи) и замене его на конструкцию **чрезъ** + асс. Обращение к описываемой конструкции неодинаково в разных редакциях: в Усп. 91 она встретилась 19 раз (без учета нескольких стертых примеров), в первичном слое Унд. 40 – 31 раз, в Син. 129 – 44 раза. Однако отличия затрагивают далеко не только количество вхождений в текст **чрезъ** + асс.

Материал «Епитомий» показывает, что устойчивость и системность употреблению **чрезъ** + асс. для греч. διὰ + асс. придает именно редактор, а не переводчик. В черновик вводится конструкция **чрезъ / презъ** + вин. п., при этом используется она несистематически и в небольшом объеме для перевода греч. διὰ + асс. и парά + асс.

Затем на одном из первых этапов редактуры, который доступен для анализа в первичном слое Унд. 40, употребление конструкции расширяется количественно, однако все еще не совсем последовательно, т. к. в первую

¹⁹ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 192–193.

²⁰ Гриценко. П. Е. Південно-західне наріччя // Українська мова: Енциклопедія. — Киев: Українська енциклопедія, 2000. Электронное издание: <http://litopys.org.ua/ukrmova/um159.htm> (дата обращения: 22.04.2024.).

очередь увеличивается ее внедрение для *парá* + асс. Параллельно с этим на данном этапе работы не устраняются контексты с региональным предлогом *презъ*, и он спорадически является в новых контекстах.

На одном из последних этапов работы, который представлен в слое правки Унд. 40, а затем в Син. 129, Евфимием Чудовским производится четкая дифференциация конструкций: за *парá* + асс. закрепляется перевод *надъ* + асс. (с пометами *кромѣ* + gen. / *паче* + gen.), а за *διὰ* + асс. – *чрезъ* + асс. с устранением во всех контекстах регионального *презъ*, которые были в тексте Епифания.

Отмечаются и общие черты языка Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, характерные для ученого церковнославянского. К ним в первую очередь относятся те позиции, которые не подвергались серьезной правке и особой языковой рефлексии, т. к., видимо, в их отношении были выработаны способы перевода предыдущей традицией. Они относятся в первую очередь к синтаксису, среди них укажем одинарное отрицание (3.11.), соответствующее синтаксису греческого текста. Разночтения в рукописях могут заключаться только в том, к какому слову относится отрицательная частица. Отличия Унд. 40 и Син. 129 от Усп. 91 объясняются более точным воспроизведением порядка слов оригинала в тексте: γόνυ τις μὴ κλινέτω – *колѣна да не кто приклонѣт*^T (Усп. 91, л. 54) – *колѣна кто да не клони*^T (Унд. 40, л. 214) – *колѣна кто да не клони*^T (Син. 129, л. 67).

Здесь же необходимо отметить передачу инфинитивных конструкций (3.12.), таких как субстантивированный инфинитив и *accusativus cum infinitivo*. Первая из них встречается 26 раз, а субстантивированный асс. *cum inf.* – 7, и на всех этапах в славянском тексте обнаруживается полная калька *ѣже* + *inf.*, известная уже с древнейших славянских переводов²¹.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования по каждой

²¹ Авдеева Д. Б. Некоторые синтаксические особенности в тексте южнославянского перевода Жития Андрея Юродивого // Търновска книжовна школа, т. 8, 2004. С. 375.

из глав, часть из которых вынесена в качестве положений на защиту, и сделаны обобщения по всему тексту диссертации.

В ходе анализа нами были рассмотрены как самые ранние списки «Епитомий», так и более поздние (вплоть до конца XIX – нач. XX вв.). Особую ценность приобретают черновики, в одном из которых отражается редакторская правка (Унд. 40), а другой (Усп. 91) является автографом самого Епифания Славинецкого и демонстрирует начальный этап перевода.

Анализ материала «Епитомий» не только позволяет восстановить историю текста, но и имеет принципиальную лингвистическую значимость. Он дает возможность суммировать общее и выделить отличное в языковых особенностях Епифания Славинецкого и его ученика Евфимия Чудовского. Казалось бы, мы многое знаем о том, как книжники работали с переводами, например, с текстом Нового завета²², но не всегда можем отделить принципы работы учителя от принципов работы ученика. Для исторической русистики это не самая тривиальная задача, т. к. далеко не каждый текст дает возможность отделить узус Епифания от узуса Евфимия. Материал Епитомий позволяет это сделать с учетом главного источника – черновика Епифания Славинецкого, Усп. 91.

Языковым стандартам так называемого ученого церковнославянского языка соответствует итоговый вариант «Епитомий» в составе «Левенклавиева сборника», однако он не получил широкого распространения в рукописной традиции. В свою очередь холмогорские списки не были сделаны с Син. 129, хранившейся в патриаршей казне. Они отражают другую редакцию, которая содержит вариант текста до финальной правки Евфимия Чудовского, о чем свидетельствует анализ языка списков и текстологическое сопоставление. Последний аспект характеризует не только основную переводную часть «Епитомий», но и те композиционные элементы, которые были составлены славянскими книжниками (оглавление, предисловие).

²² Например, в работе: Исаченко Т. А. Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого последней трети XVII в. (Особенности перевода и языка) / М. : Вопросы языкознания, 2002. – Вып. 4. – С. 73–92.

Так, два холмогорских списка содержат указание на неоднократные просьбы патриарха Никона к Епифанию Славинецкому перевести «Епитомии», тогда как Син. 129 – нет. Однако если отказ от упоминания в предисловии Никона вполне понятен из-за его опального статуса, то отсутствие информации об исчезновении первой работы Епифания также не должно быть случайным. Вполне вероятно, что в черновике Усп. 91 отражен этот архетип перевода, который мог быть заброшен после редакции Евфимия Чудовского, т. к. все списки, кроме Усп. 91, отражают именно его редактуру. Работа московского справщика была многоступенчатой: к правке и вычитке текста он обращался неоднократно, однако глобальной была его первая переработка, а на остальных этапах отдельные явления подвергались переосмыслению уже более точно. Евфимий Чудовский стал также переписчиком итогового варианта перевода, отраженного в списке Син. 129, но и на этом его работа над «Епитомиями» вне «Левенклавиева сборника» не закончилась и привела к появлению варианта текста, помещенного в Син. 226. Задача редакторской работы Евфимия заключается в устранении значительной части региональных элементов, не соответствующих московской норме церковнославянского языка и собственно грецизации на разных уровнях.

«Епитомии» Константина Арменопула переводились в переломный для православия в России исторический период, когда особенно могла ощущаться потребность в переводных церковно-юридических текстах, о чем свидетельствуют предисловия холмогорских списков. При этом анализ языка говорит о том, что переводчик и в первую очередь правщик видели своей задачей именно филологическую работу, так как работа над текстом была осуществлена не с ориентацией на возможного читателя (только если этот читатель не был знатоком греческого и латинского), а исходя из принципов буквализма и форенизации. Об этом же говорит и то, что в тексте «Епитомий» отражены те же языковые принципы, что и в переводах других жанров (церковно-юридические, Библия, учительские), совершенных

чудовскими книжниками. В этих принципах, в свою очередь, проявляются не только их личные предпочтения, но и идеологическая мировоззренческая установка. Однако, как было сказано ранее, материал «Епитомий» позволяет далеко не только суммировать общее в языковых особенностях книжников, но и отделить узус Епифания Славинецкого от узуса его ученика.

Раздел **Библиография** насчитывает 145 наименований. В разделе **Источники** содержится 29 наименований.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в основной и дополнительный списки рецензируемых научных изданий, утвержденных решением Ученого совета МГУ имени М. В. Ломоносова.

1) *Иванова Е. В.* Принцип грецизации в переводе "Епитомий" Константина Арменопула, выполненном Епифанием Славинецким // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 465-468. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,34 (0,6 п.л.).

2) *Иванова Е. В.* Грецизмы в маргиналиях к переводу "Епитомий" Константина Арменопула, выполненному Епифанием Славинецким // Litera, издательство Nota bene. 2023. № 8. С. 206-218. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,400. (1 п.л.)

3) *Иванова Е. В.* Орфографические регионализмы в переводе «Епитомий» Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 2. С. 87–96. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,161. (0,5 п.л.).

4) *Иванова Е. В.* Еще раз о переводческих принципах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (на материале «Епитомий») // Litera, издательство Nota bene. 2024. № 4. С. 204-213. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,400. (0,6 п.л.).